

I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПРУССКАГО ГЕНЕРАЛА-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ БРАНДА

0

ПОХОДЪ НАПОЛЕОНА ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 ГОДУ.

III.

Движеніе къ Красному.—Сосредоточеніе здѣсь арміи.—Дѣло при Красномъ.—Сужденіе объ употребленіи Мюратомъ кавалеріи.—Маршъ къ Смоленску.—Сраженіе здѣсь.—Смотръ Наполеономъ корпуса Понатовскаго.—Мнѣнія о тогдашнемъ положеніи французской арміи.—Выступленіе изъ Смоленска.

Рано утромъ 13-го августа (1-го) оставили мы лагерь при Дубровнѣ, послѣдуемые нашими парками. Дивизіи шли съ большими интервалами, имѣя за собою подручныхъ и вьючныхъ лошадей; парки образовывали въ хвостѣ корпуса необозримую колону, но все двигалось въ порядкѣ. На другой день мы узнали, что большая армія переправилась чрезъ Днѣпръ при Расанѣ, что Смоленскъ будетъ атакованъ съ южной стороны и что русскіе ожидаютъ насъ тамъ. При выступленіи съ бивуака 14-го числа, колоны пріостанавливались безпрестанно; густая пыль окружала войска; за нѣсколько шаговъ впередъ ничего нельзя было разсмотрѣть; колоны часто сталкивались; пѣхота и кавалерія слѣдовали по бокамъ дороги; артилерія и парки по срединѣ ея. Порядокъ марша разстроился; повторилось то же, что было при переправѣ чрезъ Нѣманъ: всѣ хотѣли быть первыми, никто не хотѣлъ ждать. Ссоры въ колонахъ почти не прекращались и нерѣдко переходили въ кровавыя схватки.

Прослѣдовавъ чрезъ Ляды, мы расположились лагеремъ на красненской дорогѣ и здѣсь снова примкнули къ гвардіи, при которой отнынѣ и остались. Наши прекрасныя колонны, организованныя во время стоянки при Дубровнѣ, отдѣлились отъ насъ въ первый день марша и мы увидѣли ихъ опять уже по вступленіи въ Москву. Офицеръ, посланный изъ Лядъ отыскивать ихъ, проѣхалъ слишкомъ двѣ мили, но не нашелъ и слѣда.

Груши и Нансути отгѣснили русскихъ отъ Лядъ къ Красному. Предположеніе, что русскіе окажутъ серьезное сопротивленіе у этого послѣдняго города, послужило поводомъ къ сосредоточенію арміи, и такимъ образомъ мы имѣли случай видѣть рѣдкое зрѣлище сбора всѣхъ боевыхъ силъ. Гвардія и наша дивизія стояли на возвышенности, откуда открывался свободный видъ во всѣ стороны. Впереді насъ, по направленію къ Красному, расположился 3-й корпусъ. Вдали картина замыкалась кирасирами, на каскахъ и латахъ которыхъ играли лучи яркаго солнца; по направленію къ Лядамъ двигались длинныя ряды пѣхоты и кавалеріи. По обѣимъ сторонамъ дороги развертывалась передъ нами пестрая панорама; самая же дорога, по которой парки поднимали облака пыли, уподоблялась змѣѣ, тихо ползущей по равнинѣ. Выстрѣловъ не было слышно; но за Краснымъ видѣлись линіи войскъ, и по дорогѣ оттуда возвращались отдѣльные раненые всадники. Въ тылу арміи можно было слѣдить на многія мили за колоннами, которыя медленно подвигались по дорогѣ. Никогда такъ живо не представлялся мнѣ образъ безпомощности громадной арміи, какъ здѣсь. Я убѣдился однако, что половины, а пожалуй и трети, перевозочныхъ средствъ было бы вполне достаточно, если бы во всемъ царствовало благоустройство. Но порядка-то и не было. Сначала казалось, что на востокъ отъ Лядъ могло произойти сраженіе: колонны уже начали сосредоточиваться; однако вскорѣ пришло приказаніе слѣдовать дальше впередъ. Обширная равнина мало по малу пустѣла; теплый, ясный день смѣнился холодною ночью; съ сѣвера дулъ пронзительный вѣтеръ. Войска, расположившіяся по обѣимъ сторонамъ дороги не въ большомъ, кажется, порядкѣ, не могли отдохнуть: они мучились жаждою. Были такія части, которыя, оставивъ берега Днѣпра, не видали ни капли воды. Вообще, жажда и пыль оставались до самой Можайской (бородинской) битвы нашими злѣйшими врагами. Въ полночь, во всѣхъ лагеряхъ началось оживленіе; били барабаны, играла музыка, повсюду гремѣло «vive l'empereur!»... праздновался день рожденія императора.

15-го (3-го) августа, въ 10 часовъ утра, прошли мы чрезъ

Красный и расположились лагеремъ. Выгодное положеніе этого города побудило Багратіона оставить здѣсь дивизію Невѣровскаго, не знаю съ какимъ именно намѣреніемъ, потому что дивизія изъ 8,000 человекъ не могла же задержать всю французскую армію. Вѣроятно распоряженіе это основывалось на предположеніи, что Наполеонъ находился на дорогѣ въ Рудню и что въ Красномъ былъ лишь небольшой отрядъ. (*) Впрочемъ, мѣстность представляла всѣ удобства въ бою.

Красный лежитъ при слияніи двухъ рѣчекъ, въ 46 верстахъ отъ Смоленска. Первая изъ нихъ, Свиная, течетъ медленно по широкому болотистому дугу, съ единственною узкою переправою. Поросшіе кустарникомъ берега были бы пригодны для застрѣльщицкаго боя, и въ такой позиціи, конечно, можно было бы драться, если бы занять ее достаточнымъ числомъ войскъ, но русскіе не имѣли такого числа. Они сдѣлали, кромѣ того, ошибку, рѣшившись защищать доступъ къ Красному, скоро были отброшены 24-мъ полкомъ въ городъ, а затѣмъ вытѣснены и отсюда безъ особеннаго труда. Тогда кавалерія получила возможность дебушировать быстро, задержать и атаковать дивизію, начавшую отступленіе.

О столкновеніи дивизіи Невѣровскаго съ кавалеріей Мюрата было писано очень много. Полагаю, что въ военной исторіи не найдется другаго примѣра столь дурно употребленной въ дѣло конницы, болѣе безразсуднаго распоряженія этимъ родомъ оружія. Во всей арміи господствовалъ тогда одинъ голосъ негодованія. Надлежало быть свидѣтелемъ, изучить мѣстность, чтобы уразумѣть это вполнѣ. Обширная равнина позади Краснаго пересѣкаетъ большую дорогу почти въ перпендикулярномъ направленіи. Дорога имѣетъ отъ 30—40 шаговъ ширины и обсажена по обѣимъ сторонамъ двумя рядами большихъ березъ, такъ что колона въ ширину взвода, можетъ безпрепятственно слѣдовать по ней, причемъ ея фланги обезпечиваются

(*) Послѣ соединенія нашихъ армій, князь Багратіонъ послалъ (4-го августа) дивизію генерала Невѣровскаго (до 6,000 человекъ), усиленную Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ и тремя казачьими полками, съ двѣнадцатью батареями орудій и небольшою частію Смоленскаго ополченія, занять городъ Красный и поддерживать казачьи партіи, наблюдавшія дороги въ Оршу и въ Могилевъ. Когда непріятельская армія двигалась по лѣвому берегу Дняпра, наши соединенныя арміи, по прежнему, находились на правой сторонѣ рѣки. Сначала войска Невѣровскаго были расположены впереди Краснаго, по дорогѣ въ Ляды, но потомъ, когда казаки, стоявшіе въ Лядахъ, донесли о наступленіи огромныхъ непріятельскихъ силъ по большой дорогѣ, Невѣровскій отошелъ за городъ, оставивъ въ Красномъ одинъ баталіонъ 49-го егерскаго полка, съ двумя орудіями, а самъ переправился черезъ деяле, образуемое плотиною, и расположился съ остальными войсками за глубокимъ оврагомъ.

деревьями, большею частію близко другъ къ другу стоящими. На мѣстахъ низменныхъ вырыты, по бокамъ дороги, водосточныя канавы. Въмѣсто того, чтобы немедленно выдвинуть свою артилерію и дѣйствовать противъ фронта русскихъ нѣсколькими орудіями, а по флангамъ нѣсколькими батареями, вмѣсто того, чтобы быстро вынестись съ кавалерій по сторонамъ, отрѣзать русскимъ отступление и даже атаковать ихъ съ тыла, Мюратъ истощалъ себя бесплодными отдѣльными нападеніями на отступающихъ, которые свернулись въ плотное каре.

Русская кавалерія, пытавшаяся задержать атакующихъ, была частію смята, частію изрублена и потеряла семь пушекъ. У одного дефиле, сдѣлавшагося впоследствии столь знаменитымъ и заблаговременно занятого русскими, преслѣдованіе было остановлено (*). Разсказывали, что депутація отъ кавалеріи представила императору взятые орудія въ видѣ подарка ко дню его рожденія, выразивъ притомъ сожалѣніе, что «бѣгство (?) русскихъ» (la fuite des Russes) лишило ихъ случая совершить что-нибудь болѣе значительное. Но въ лагерѣ разсказывали также, что императоръ былъ крайне-недоволенъ всѣмъ дѣломъ и сказалъ: «Murat a agi comme un élève de St.-Суг» (Мюратъ дѣйствовалъ какъ сень-сирскій школьникъ).

16-го (4-го) числа мы продолжали маршъ къ Смоленску. По-

(*) Когда Мюратъ, съ кавалерійскими корпусами Груши, Нансуги и Монбрена, въ числѣ пятнадцати тысячъ всадниковъ, показался передъ Краснымъ въ три часа пополудни, послѣдуемый частію пѣхоты корпуса Нея (до 7,000 человекъ), Невѣровскій построилъ свои полки, за оврагомъ, въ боевой порядокъ, поставивъ десять орудій на лѣвомъ флангѣ и прикрылъ ихъ харьковскими драгунами. Егерскій же 50-й полкъ, съ двумя конными орудіями, онъ отправилъ по дорогѣ къ Смоленску, за пятнадцать верстъ назадъ, въ видѣ репли, приказавъ занять тамъ переправу на небольшой рѣчкѣ. Часть мюратовой кавалеріи обошла позицію Невѣровскаго съ лѣваго фланга. Наши драгуны, бросившіеся въ атаку, были опрокинуты, оставили полсраженія и непріятель захватилъ пять орудій въдесяти. (Въ самомъ городѣ французы взяли два орудія). Невѣровскому не оставалось ничего болѣе, какъ отступать къ Смоленску: съ фронта онъ имѣлъ противъ себя пѣхотныя колонны Нея; въ тылъ его дивизія двигались массы резервной кавалеріи Мюрата. Построивъ свои полки въ густыя колонны, мужественный генералъ напоминалъ солдатамъ, какъ они должны были дѣйствовать. При каждомъ налетѣ непріятельской кавалеріи, онъ останавливалъ свою пѣхоту; по знаку его раздавалась тревога; за нею слѣдовалъ, густою дробью, батальный огонь, и всѣ усилія французовъ прорвать сплоченную массу оставались тщетными. Только однажды, у входа въ селеніе, гдѣ прерывалась преграда, образуемая равни и березовыми аллеями, непріятелю удалось захватить уголокъ нашей колонны. Къ вечеру Невѣровскій достигъ деревни Корытня, впереди которой стояли, за рѣчкой, наши орудія, подъ прикрытіемъ одного баталіона. Здѣсь прекратилось преслѣдованіе. У Невѣровскаго вышло изъ строя до полуторы тысячи человекъ, въ томъ числѣ восемь сотъ пѣхотныхъ; французы потеряли, убитыми и ранеными, до пяти сотъ человекъ.

Г.

года была не особенно теплая, но безвѣтряная; пыль такъ жестоко мучила насъ, что мы едва могли дышать. Изнеможенные люди набивали себѣ ротъ березовыми листьями, чтобы сколько-нибудь предохранить себя отъ жажды и отъ пыли. Кто самъ не испыталъ ничего подобнаго, тотъ и вообразить себѣ не можетъ страданій солдата въ такомъ положеніи. Ни холодъ, ни голодъ, ни дождь, ни дурныя дороги, ничто такъ не утомляетъ солдата, какъ жажда. Вдобавокъ, колоны ежеминутно останавливались, между тѣмъ какъ артилерія, продолжая движеніе, вдыхала пыль, которую, кажется, можно было бы рѣзать ножомъ. Въ тринадцати верстахъ отъ Смоленска мы bivуакировали въ березовой рошѣ, но слишкомъ близко отъ дороги, чтобы подкрѣпить себя отдыхомъ. Всю ночь не прекращались ѣзда, громкая команда, стукъ барабановъ, и когда утромъ мы стали въ ружье, большая часть насъ была обезображена пылью до неузнаваемости. Вода была весьма рѣдкою вещью; ее едва доставало на варку пищи. Мы получили приказаніе примкнуть, на слѣдующій день, непосредственно къ гвардіи и оставить все, что могло бы затруднять маршъ.

17-го (5-го) августа, послѣ двухъ или трехчасоваго марша, въ прекрасный, ясный день, мы, выбравшись изъ чрезвычайно густаго березоваго кустарника, поднялись на возвышенность и отсюда увидѣли Смоленскъ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, съ лѣвой стороны. Русскіе, неожиданныя, кажется, нашего внезапнаго появленія, были удивлены не менѣе насъ, потому что прошло нѣсколько минутъ, прежде нежели начался огонь; но затѣмъ выстрѣлъ послѣдовалъ за выстрѣломъ. Къ счастью, въ моментъ самаго сильнаго огня, мы прилегли: иначе уронъ нашъ могъ бы быть весьма значителенъ. Предназначенно-ли поставили насъ здѣсь будто на подносѣ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ другихъ пунктовъ, или же это было дѣломъ случая—не знаю. Уже послѣ того, какъ мы выдержали нѣкоторое время огонь, показались на берегу Днѣпра войска: это былъ корпусъ Понятовскаго. Отъ Смоленска, гдѣ наканунѣ русскіе помѣрялись къ корпусомъ Нея, доносились ружейные выстрѣлы, съ которыми скоро смѣшались и артилерійскіе; на красненской дорогѣ также появились войска, и только тогда сталъ ослабѣвать огонь, противъ насъ направленный; лишь изрѣдка прилетали къ намъ гранаты. Съ нашей позиціи мы могли довольно хорошо обозрѣвать и Смоленскъ, и все поле сраженія, исключая крайній правый флангъ, гдѣ атаковали поляки, и лѣвый, гдѣ дрались виртембергцы.

Видъ Смоленска произвелъ на поляковъ живѣйшее впечатлѣніе.

Съ этимъ городомъ были соединены для нихъ многочисленныя историческія воспоминанія; съ потерей его они связывали гибель Россіи. Собственно городъ, верхній, лежитъ на крутомъ лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ котораго, въ разстояніи 1,000—2,000 шаговъ, поднимаются незначительныя высоты, охватывающія Смоленскъ почти полукругомъ. На противоположной сторонѣ, горы отступаютъ отъ берега, но становятся болѣе высокими. Въ долину расположенъ нижній городъ, заключавшій въ себѣ промышленную и торговую часть населенія, тогда какъ въ вышгородѣ были сосредоточены казенныя зданія и жили должностныя лица. Густой березовый кустарникъ, довольно большія лощины, значительные овраги, отчасти съ обрывами, затрудняли приближеніе къ городу и ограничивали доступъ къ нему немногими направленіями. Только подъ самымъ Смоленскомъ облегчалось совокупное дѣйствіе войскъ. Два ручья, текущіе, на югъ, къ Днѣпру по глубокимъ ложамъ, много препятствовали атакѣ съ этой стороны и образовывали, такъ сказать, опорную точку городскихъ укрѣпленій. Окружность стѣны могла имѣть до 7,000 шаговъ. Изъ многочисленныхъ старинныхъ башенъ уцѣлѣло, я полагаю, не болѣе двадцати; нѣкоторыя изъ нихъ были вооружены артилеріей, другія оставлены безъ всякой обороны. На стѣнахъ, около пяти метровъ толщины и восьми метровъ вышины, занятыхъ стрѣлками, хорошо сохранились, во многихъ мѣстахъ, зубцы и отчасти бойницы.

Городъ окруженъ многими предмѣстьями: Красненскимъ, внизъ по Днѣпру, Мстиславльскимъ, между красненскою и мстиславльскою дорогами, Рославльскимъ и Никольскимъ, Раченскимъ и Петербургскимъ, за рѣкою. Только Мстиславльское предмѣстье было видимо намъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Влѣво отъ него находился довольно большой прудъ. Оно заключало въ себѣ нѣсколько порядочныхъ домовъ, въ томъ числѣ казенныхъ, и соляныя магазины, обращенные своимъ весьма длиннымъ фасадомъ къ городу. Часть фронта стѣны окоймлялась рвомъ, впрочемъ неглубокимъ, который люди наши перешли безъ труда; мѣстами былъ и родъ гласиса. На сѣверѣ и на югѣ его закрывали вышеупомянутые овраги. Стѣна упиралась въ Днѣпръ; нѣкоторыя проломы ея были замкнуты земляными верками. Эти проломы остались, по рассказамъ, еще со временъ послѣдней осады Смоленска и были произведены минами. Сообщеніе облегчалось нѣсколькими воротами; но, кромѣ ихъ, были, вѣроятно, и другіе проходы, потому что мы видѣли, какъ передвигались части войскъ, минуя ворота.

Съ нашей позиціи Смоленскъ представлялъ живописный видъ, бла-

годаря многимъ большимъ садамъ въ самомъ Фордѣ и высившимся между ними зданіями и колокольнями. Въ приготовленіяхъ къ бою, время прошло до часу или до двухъ часовъ, когда у подошвы высоты, которую мы занимали, началось оживленное движеніе. Изъ кустарниковъ высыпали застрѣльщики, отѣснявшіе казаковъ и пѣхотинцевъ, стоявшихъ по—одиночкѣ или группами. Изъ Мстиславльскаго форштата французы были встрѣчены сильнымъ огнемъ, но это не помѣшало имъ ловко и безъ большаго труда утвердиться вездѣ, несмотря на постепенное усиленіе канонады съ земляныхъ верховъ передъ воротами. Войска, наступавшія по большой дорогѣ отъ Краснаго, дивизіи Гюдена, Морана и Фріана, направились на Мстиславльское предмѣстье и подавались все болѣе и болѣе вправо. Кажется, имѣлось въ виду поддержать ими корпусъ Понятовскаго. Даву находился въ главѣ этихъ войскъ.

Лишь только прибыли названныя колоны, наши застрѣльщики бросились къ прикрытому пути и многимъ изъ нихъ удалось добѣжать до стѣны; но такъ какъ имъ печего было дѣлать тамъ, то они вернулись—по приказанію—ли, или сами собою, не знаю—и начали перестрѣливаться съ людьми, укрывавшимися за бойницами стѣны, по близости земляныхъ верховъ, и съ тѣми, которые были расположены въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Самыя колоны овладѣли, между тѣмъ, форштатомъ и нашли, за обширными, вышеназванными, зданіями надежное укрытіе. Въ продолженіе всего этого времени, огонь усиливался и внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Съ той стороны, откуда атаковали поляки, гремѣла жаркая канонада; однако они овладѣли, послѣ упорнаго боя, Раченскимъ предмѣстьемъ и проникли до городской стѣны. Для людей авангарда стало вопросомъ чести постучаться въ стѣны города; по этой причинѣ, многіе баталіоны авангарда очутились въ затруднительномъ положеніи; надлежало отозвать ихъ, но всѣ офицеры, посланные съ этимъ приказаніемъ, пали подъ непріятельскими выстрѣлами. Тогда одинъ молодой офицеръ, графъ Иліодоръ Споржевскій, адъютантъ генерала Фишера, вызвался передать приказаніе. Во весь карьеръ домчался онъ до рва, сошелъ здѣсь съ лошади, свелъ ее подъ уздцы по откосу, вскарабкался на противоположный обрывъ, исполнилъ порученіе и черезъ форштатъ вернулся къ князю Понятовскому, здоровъ и невредимъ. Только лошадь его получила двѣ раны.

Выдвинутыя, послѣдовательно, шестьдесятъ орудій направили свой огонь частію по мостамъ, частію по тѣмъ русскимъ войскамъ, которыя фланкировали атаку поляковъ съ другаго берега. Канонада гремѣла отсюда жестокая, а внизъ по рѣкѣ, у Красненскаго пред-

жѣстья, гдѣ атаковалъ Ней, дѣло дошло до жаркой схватки; здѣсь атакующіе наткнулись неожиданно на земляное укрѣпленіе впереди пролома стѣны, произведеннаго, вѣроятно, еще во времена прежней осады: это былъ пятиугольникъ, высокаго профиля, но съ небольшимъ полигоннымъ бокомъ. Три бастиона были обращены въ поле, два къ городу (*). На ружейный выстрѣлъ, кустарникъ былъ кругомъ уничтоженъ; о другихъ свойствахъ укрѣпленія знали только, что оно имѣло, къ сторонѣ поля, сухой, не очень большой ровъ; къ сторонѣ же города находился широкій и весьма глубокий ровъ, съ мостомъ. Французы и виртембергцы овладѣли всеми подступами къ земляному укрѣпленію; нѣкоторые солдаты проникли даже до самаго верха, но, обстрѣливаемые съ противоположнаго берега во флангъ и въ тылъ русскими орудіями, поражаемые и съ фронта, принуждены были отступить.

Было часа четыре, можетъ быть и нѣсколько позже. На флангахъ канонада гремѣла неумолчно; въ центрѣ бой ослабѣвалъ. Только однажды возобновился онъ, съ удвоеннымъ ожесточеніемъ, у Малаховскихъ воротъ. Русскіе пытались прорваться, но были отбиты. Показаніе принца Евгенія Виртембергскаго, что русскіе имѣли тутъ успѣхъ, основано, очевидно, на ошибкѣ (**). «Увидите, что

(*) Это сомкнутое земляное укрѣпленіе, или кронверкъ, извѣстно подъ названіемъ „королевскаго бастиона“.

T.

(**) Разсказъ герцога Евгенія Виртембергскаго о сраженіи подъ Смоленскомъ помѣщенъ въ № 8-9 „Военнаго Сборника“ за 1864 годъ, въ статьѣ: „Принцъ Евгений Виртембергскій и его записки“. Показаніе принца Евгенія основано вовсе не на ошибкѣ, какъ думаетъ Брандтъ, а на неопровержимомъ фактѣ. Дѣло было такъ. 5-го августа, въ пять часовъ пополудни, когда Наполеонъ приказалъ маршалу Даву штурмовать городъ, французы смѣло бросились на приступъ и едва не овладѣли Малаховскими воротами, но въ этотъ самый моментъ подоспѣлъ на помощь Доктурову принцъ Евгений. Во время отчаянной обороны смоленскихъ предмѣстій, онъ находился при Барлаф-де-Толли, убѣдивъ его послать въ городъ 4-ю свою дивизію и самъ вызвался ѣхать туда, что бы лично удостовѣриться въ положеніи дѣла. Достигнувъ Малаховскихъ воротъ, принцъ нашелъ тамъ Доктурова подъ жесточайшимъ градомъ снарядовъ, сыпавшихся на городъ. Коновницынъ, дѣйствовавшій тамъ же, выразилъ безнадежность удержаться въ городѣ. Послѣдствіемъ на встрѣчу своей дивизіи, принцъ Евгений тотчасъ же отрядилъ полки Тобольскій и Волыскій къ предмѣстью Раченъ, гдѣ они должны были, вмѣстѣ съ гвардейскими егерями, стоявшими въ резервѣ лѣваго крыла, и съ войсками 12-й и 27-й дивизій, удерживать Понятовскаго. Полки же Кременчугскій и Минскій были посланы на правый флангъ нашей позиціи, въ помощь 24-й дивизіи. Самъ принцъ Евгений, съ 4-мъ егерскимъ полкомъ, и Коновницынъ, съ частію своей дивизіи, бросились на непріятельскія войска, приступавшія къ Малаховскимъ воротамъ, и *прокунули ихъ*; затѣмъ принцъ устремился, со своими егерями, къ Малаховскимъ воротъ, въ прикрытый путь, занятый французами; первые ряды его колоны пали подъ пулями густой непріятельской цѣпи, но это не остановило принца и его храбрыхъ егерей: баталіонъ майора Гейдекена, находившійся

москали очистить городъ и будутъ продолжать отступленіе», замѣтилъ нашъ полковой командиръ, полковникъ Хлузовичъ, подполковнику Регудьскому. Въ эту минуту показался съ праваго флага Наполеонъ. Онъ былъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, сопровождаемый лишь двумя адъютантами; поодаль слѣдовали за нимъ многіе гвардейскіе конные егеря. Императоръ ѣхалъ разбѣреннымъ галопомъ; сидѣлъ не особенно хорошо, съ опущенными поводьями, двигая правою рукою. У середины Мстиславльскаго форштата онъ остановился, поговорилъ съ нѣсколькими генералами, потомъ поѣхалъ дальше, опять остановился, посмотрѣлъ въ подзорную трубу на городъ и скрылся съ нашихъ глазъ. Вслѣдъ затѣмъ выѣхало изъ самаго форштата и изъ-за него большое число 12-фунтовыхъ орудій (я насчиталъ тридцать шесть); они расположились противъ стѣны и открыли по ней сильный огонь, но, кажется, безъ всякаго успѣха. Позже выстрѣлы ихъ были направлены по зубцамъ, что принудило удалиться находившихся тамъ стрѣлковъ. Другія орудія афилировали прикрытый путь, очищенный, вслѣдствіе того, русскими.

Пока все это происходило, гвардія, прибывшая съ бивуака у Ивановскаго, построилась позади насъ. На покатоности горы, на которой мы стояли, сидѣлъ князь Нешательскій; рядомъ съ нимъ два офицера его войскъ: одинъ рисовалъ, другой писалъ подъ диктовку маршала. По временамъ, вблизи насъ, падали ядра. Въ разныхъ мѣстахъ города вспыхнули пожары, произведенные нашими ли гранатами, или, умышленно, русскими. Мы получили теперь приказаніе двинуться къ Мстиславльскому форштату, гдѣ расположились позади большихъ, вышепомянутыхъ магазиновъ, и должны были образовать резервъ 1-го корпуса. Мѣсто наше заняла дивизія Роге. Часовъ около семи огонь сталъ ослабѣвать; мы овладѣли, повидимому, всѣми подступами къ городу; однако, изрѣдка, бой загорался опять; пушечные выстрѣлы смѣшивались съ ружейнымъ огнемъ. Сраженіе продолжалось, такимъ образомъ, до десяти часовъ. Въ городѣ свирѣпствовалъ пожаръ. Русскіе зажгли свои провіантскіе магазины. Колосовой и зерновой хлѣбъ, взлетавшій съ трескомъ, и багровымъ пламенемъ освѣщавшій черныя облака дыма, потомъ постепенно блѣд-

въ головѣ полка, штыками выбилъ непріятеля изъ прикрытаго пути. Многократныя атаки поляковъ въ Раченкѣ, на лѣвомъ крылѣ, также были отбиты Неваровскимъ и графомъ Кутайсовымъ. Здѣсь поляки, въ изступленіи, подбѣгали къ самымъ стѣнамъ, даже врывались въ ворота небольшими частями, отъ пятнадцати до двадцати человекъ, возглашая: «да здравствуетъ отчизна!», и падали подъ штыками или пулями нашихъ. Предводившій ими генералъ Грабовскій былъ захваченъ гренадеромъ Тобольскаго пѣхотнаго полка.

T.

нѣвшій и пепломъ падавшій на землю—вся эта картина напоминала изверженіе огнедышащей горы. На лѣвомъ флангѣ также вспыхнулъ сильный пожаръ: загорѣлись саран, подоженные русскими; наконецъ и на правомъ флангѣ показался огонь: русскія гранаты зажгли большой навѣсъ для склада кирпичей, куда были снесены тяжело-раненные. При быстромъ развитіи пламени, лишь немногіе изъ нихъ были спасены—событіе ужасное, отодвинутое на задній планъ только другими происшествіями, безпрестанно смѣнявшимися одно другое.

Войска расположились бивуакомъ почти на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ стояли главныя силы во время боя. Былъ прекрасный, ясный, нѣсколько свѣжій вечеръ, спустившійся на кровавую работу дня. Часовъ въ десять распространилась по лагерю вѣсть, что русскіе очистили или готовы очистить городъ. Въ часъ пополудни это уже было достовѣрно извѣстно; однако съ первымъ лучемъ солнца устремилось множество людей къ воротамъ, которыя уже были заняты французскими гренадерами.

Надобно предполагать, что русскіе рано начали свое отступленіе (*). Вывожу это изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Два баталіона третьяго польскаго полка (предводимые баталіонными командирами Рожицкимъ и Куртюшемъ), совершенно затерялись въ бою. Князь Понятовскій послалъ, въ десять часовъ, адъютанта своего, графа Скоржевскаго, возстановить съ ними связь. Въ темнотѣ, адъютантъ едва не попался въ руки казаковъ, которые переплыли Днѣпръ для развѣдокъ. Преслѣдуемый ими, онъ наткнулся на постъ баталіона Рожицкаго. Здѣсь посланный узналъ о положеніи дѣлъ и о томъ, что, еще съ наступленіемъ сумерекъ, слышенъ былъ стукъ колесъ съ противоположнаго берега рѣки, и что русскіе, вѣроятно, отступаютъ. Извѣстившись въ то же время, что по близости, въ церкви, находится французскій генераль, адъютантъ Понятовскаго отправился къ нему. Онъ нашелъ здѣсь штабъ-офицера, писавшаго подъ диктовку генерала. Другой генераль лежалъ на диванѣ и спалъ; кругомъ его толпились офицеры. Когда польскій адъютантъ сказалъ генералу, что его едва не захватили казаки, тотъ возразилъ: «ah bah! messieurs les Polonais voient partout des Cosaques!» («А, ба! господамъ полякамъ вездѣ мерещатся казаки!») Не желая вступать въ препирательство съ генераломъ, офицеръ передалъ ему слышанное отъ Рожицкаго. Французскій генераль сказалъ опять: «ah bah! croyez-vous qu'ils évacueront la place? ils ne seront pas si

(*) Войска Дохтурова, сражавшіяся въ городѣ, выступили за два часа до разсвѣта.

bêtes» («А, ба! неужели вы думаете, что они очистить городъ— они не такъ просты»). Тогда штабъ-офицеръ, писавшій за столомъ, всталъ и замѣтилъ генералу, что это извѣстіе заслуживаетъ вниманія и должно быть передано по принадлежности. Разбудили спавшаго генерала, который повернулся съ неудовольствіемъ, отвѣчалъ: «ah! c'est une bêtise! pourquoi nous cederont-ils la place, qui est toute intacte?» («Вздоръ! зачѣмъ они уступятъ намъ городъ, когда онъ еще нетронутъ!»), и опять принялся спать. Адъютантъ поѣхалъ въ обратный путь и доложилъ Понятовскому все, что видѣлъ и слышалъ. «Ну, если эти господа не хотятъ вѣрить—не наша вина», сказалъ Понятовскій.—Это былъ французскій генералъ, не самъ-ли Даву, осталось неизвѣстнымъ; судя по многочисленной свѣтѣ, можно думать, что это былъ онъ.

Городскіе обыватели будто вымерли. Все укрылось въ церквахъ и въ подвалахъ (*). Между тѣмъ какъ нѣкоторыя колонны двигались къ Дивьпру, другія получили приказаніе тушить по́жаръ. Разливаясь быстро, пламя превратило множество домовъ и цѣлыя улицы въ груды развалинъ, изъ которыхъ стремительно ввывались столбы огня и дыма.

Гвардія тотчасъ же вступила въ городъ; мы простояли на нашей позиціи все 19-е (7-е) число. Воспользовавшись отданнымъ приказаніемъ варить пищу, я объѣхалъ, съ нѣсколькими товарищами, поле сраженія во всѣхъ направленіяхъ. Сначала мы осмотрѣли мѣстность, которую занималъ 1-й корпусъ. Судя по сильному огню, продолжавшемуся здѣсь много часовъ сряду, мы ожидали найти гораздо большее количество убитыхъ. Напримѣръ, начиная отъ горы, которую мы занимали, до солянаго магазина, лежалъ только одинъ убитый седьмого полка; въ форштатѣ труповъ было, конечно, больше, но число ихъ не могло идти въ сравненіе съ тѣмъ, которое мы видѣли у Салтановки, подъ Могилевомъ. И русскіе убитые попадались, сравнительно, рѣдко. Встрѣчались, правда, лужи крови и, по слухамъ, цѣлые дома были наполнены трупами, однако все это не стояло ни въ какой соразмѣрности съ господствовавшимъ здѣсь жестокимъ огнемъ. Въ прикрытомъ пути—если здѣсь можно употребить это выраженіе—

(*) Смольяне, за нѣсколько дней до 5-го августа успокоенные извѣстіемъ, что Барклай-де-Толли намѣренъ защищать Смоленскъ до послѣдней крайности, равно и соединеніемъ обѣихъ русскихъ армій, зная притомъ о ихъ наступательномъ движеніи считали себя безопасными. Удалились лишь немногіе изъ жителей во время обороны предмѣстій Раевскимъ; всѣ другіе не оставляли жилищъ своихъ и только, во время штурма искали спасенія преимущественно въ храмахъ Божіихъ, гдѣ, не смотря на всѣ ужасы штурма, совершалось всеночное бдѣніе накануне праздника Преображенія Господня.

лежало, напротивъ, много убитыхъ; вѣроятно, раненные добрались сюда и умерли здѣсь, а можетъ быть и батареи, фланкировавшія части постройки, произвели опустошеніе. Тутъ находились и французскіе убитые, до нага раздѣтые, которыхъ можно было узнать по валявшимся возлѣ нихъ киверамъ.

За то на лѣвомъ флангѣ, гдѣ атаковалъ корпусъ Нея, было очень много труповъ, особенно на мѣстахъ низменныхъ и въ ямахъ, куда, по естественному влеченію, пробирались раненные, или куда переносили ихъ товарищи: тутъ трупы лежали по три и по четыре рядомъ или другъ на другѣ. Нѣкоторые были страшно обезображены, и всѣ раздѣты до нага. Я уже упоминалъ объ укрѣпленіи, стоявшемъ такъ много крови. Въ немъ было найдено много желѣзныхъ орудій.

Русскіе стрѣляли еще съ противоположнаго берега; застрѣльщики корпуса Нея также поддерживали живой ружейный огонь. Мимо насъ безпрестанно проносили раненныхъ. Съ городомъ возстановилось, между тѣмъ, сообщеніе по мосту чрезъ упомянутый выше мокрый ровъ, и мародеры со всеусердіемъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ: они возвращались, нагруженные всякаго рода вещами.

Подъ вечеръ ходили мы въ мѣсту расположенія 5-го армейскаго корпуса (польскаго). И здѣсь боевое поле было не менѣе кроваво, какъ и на лѣвомъ флангѣ. Корпусъ потерялъ 60 офицеровъ и 2,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Бирничный сарай, въ которомъ сгорѣли раненные, представлялъ ужасающее зрѣлище; рассказывали множество примѣровъ геройской доблести людей, соперничествовавшихъ въ самоотверженіи, что немало содѣйствовало увеличенію урона. Пальба, отъ времени до времени весьма сильная, не прекращалась цѣлый день, потому что хотя русскіе и отступили на московскую дорогу, однако насупротивъ Смоленска постоянно находились большія массы ихъ. Можно было невооруженнымъ глазомъ ясно разсмотрѣть расположеніе и тактическое распредѣленіе этихъ войскъ.

Вечеромъ говорили въ лагерѣ, что нѣмецкія войска перешли въ бродъ чрезъ Днѣпръ, овладѣли частію Московскаго форштата и предмостнымъ укрѣпленіемъ, что русскіе пытались отбить и тотъ и другое, и что это повело въ весьма серьезнымъ столкновеніямъ. Сильный ружейный огонь, живо сопровождаемый артилерійскимъ, дѣйствительно гремѣлъ оттуда почти цѣлый день и тѣмъ подтверждалъ справедливость рассказовъ.

Между убитыми и ранеными, здѣсь и тамъ лежавшими, обратилъ на себя наше особенное вниманіе молодой русскій солдатъ съ атле-

тическими формами. Онъ былъ раздѣтъ до-нага; рана въ грудь подала поводъ предполагать его въ числѣ убитыхъ, и потому его отнесли въ сторону, къ послѣднимъ; но солдатъ вдругъ приподнялся, проговорилъ нѣсколько словъ и опять упалъ. Я приказалъ подложить подъ несчастнаго соломы, накрыть его и поручилъ страдальца нашему человѣколюбивому врачу, доктору Гуличу. Солдатъ прожилъ до поздняго вечера, неоднократно приподнимался, говорилъ что-то и снова впадалъ въ безпамятство. Въ одну изъ минутъ самосознанія, онъ сказалъ намъ: «Вы добрые люди; но вашъ царь долженъ быть злой, очень злой человѣкъ. Что сдѣлалъ ему нашъ царь? чего онъ хотѣлъ отъ нашей матушки—Россіи?... Возстань, святая Русь, на защиту вѣры, царя и отечества!...» Кажется, это были его послѣднія слова; вскорѣ потомъ я узналъ отъ Гулича, что солдатъ умеръ. «Таковы-то всѣ они, русскіе!» замѣтилъ, вечеромъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены капитанъ Лихновскій, у бивуачнаго костра.— «Боюсь, что императоръ затѣялъ опасную игру».

На другой день, въ пять часовъ утра, мы вступили въ городъ. Пожаръ произвелъ въ немъ ужасное опустошеніе. Пробираясь между развалинами, въ которыхъ еще вездѣ тлѣлъ огонь, мы достигли уцѣлѣвшаго квартала, перешли по мосту въ долину Днѣпра и расположились въ предмостномъ укрѣпленіи и въ части форштата. Съ тѣхъ-де-пона можно было видѣть дороги петербургскую и московскую. Онѣ были покрыты войсками. Въ разстояніи полумили, у Геденова, лежащаго между обѣими дорогами, дрались въ восемь часовъ; сраженіе отодвинулось потомъ дальше вправо, къ Днѣпру, и, судя по канонадѣ, должно было принять весьма упорный характеръ, особенно подъ вечеръ. Наполеона мы видѣли около пяти часовъ, когда онъ возвращался съ московской дороги. Онъ казался мрачнымъ. Приблизившись къ войскамъ, которыя восторженно привѣтствовали его, онъ пустилъ лошадь въ галопъ, какъ-будто хотѣлъ уклониться отъ привѣтствій. «Навѣрное, тамъ идетъ неладно; ему, повидимому, стыдно», замѣтилъ капитанъ нашего полка Сметъ иронически (*).

Мы ничего не знали о происходившемъ; одни говорили о не-

(*) Два при Геденовѣ (въ полуторѣ верстѣ отъ крайнихъ домовъ Петербургскаго предмѣстья), при Валутиной Горѣ (на рѣчкѣ Колодинѣ) и при Дубинѣ (на рѣчкѣ Страгани) были жаркіи, а при Дубинѣ (или у Валутиной Горы) столкновеніе было даже весьма кровопролитное: французы потеряли (считая уронъ и при Геденовѣ) 8,786 человѣкъ выбывшими изъ фронта; нашъ уронъ простирался до 5,000 человѣкъ. Этими объясняется мрачное настроеніе духа Наполеона, неожиданнаго, конечно, что бы русскіе, очистивъ Смоленскъ, оказали такое упорное сопротивленіе.

удачномъ дѣлѣ, но этому противорѣчилъ постепенно удалявшійся гулъ канонады, да и императоръ ѣхалъ сначала тихимъ шагомъ. Намъ приказано было, сваривъ пищу, быть готовыми къ выступленію, но выступили мы лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней. 20-го августа (8-го) Наполеонъ въѣхалъ въ Днѣпровскія ворота и направился къ московской дорогѣ. — «Садитесь немедленно на коня», сказалъ мнѣ полковой командиръ, «посмотрите, гдѣ остановится императоръ, разузнайте какъ идутъ дѣла и возвращайтесь скорѣе». — Сѣвъ на лошадь, я прижмнулъ къ императорскому конвою. Мы ѣхали первое время скоро, но потомъ попали въ длинную вереницу раненыхъ, изъ которыхъ одни тащились пѣшкомъ, другіе сидѣли на лошади, третьи лежали въ повозкахъ. Многіе изъ нихъ привѣтствовали императора обычнымъ возгласомъ «vive l'empereur»; другіе прослѣдовали мимо его молча.

У нѣкоторыхъ повозокъ Наполеонъ останавливался и говорилъ съ ранеными. Около полумили за Колоднею, лежали трупы, французы и русскіе, перемѣшанные; большею частію они были обнажены и, уже сильно раздутые, представляли отвратительное зрѣлище. По мѣрѣ приближенія нашего къ полю битвы 19-го (7-го) числа, масса убитыхъ возрастала. Дорога шла по Днѣпру, въ который впадали многіе ручьи и по берегу котораго растянулись обширные луга. Дрались на обоихъ берегахъ. Мѣстность имѣла характеръ такъ называемой французами *terrain accidenté* (пересѣченной) и лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ переходила въ ровную. Съ одного возвышенія вдругъ открылся видъ на равнину, ограниченную рѣзко-обозначившимися высотами. На сколько видѣлъ глазъ, все пространство было завалено трупами, также, большею частію, уже раздутыми. Когда мы приблизились къ упомянутымъ возвышенностямъ, оказалось, что онѣ образовывали окраину болотистаго ручья, который круто поворачивалъ на западъ и по направленію котораго мы проѣхали цѣлую милю. Это былъ ручей Страганъ. Наканунѣ, на берегахъ его, были жаркія дѣла, извѣстныя подъ названіемъ дѣлъ при Валутиной Горѣ. На другомъ берегу ручья, мы видѣли корпусъ Нея, который такъ храбро дрался здѣсь. Онъ стоялъ между тысячами убитыхъ и умирающихъ. Мы прослѣдовали туда по плохому мосту. Войска встрѣтили императора одушевленными криками «vive l'empereur!» Я замѣтилъ, какъ и тяжело раненые собирались съ послѣдними силами, чтобы принять участіе въ восклицаніяхъ. Одинъ гренадеръ, перевязывавшій себѣ погу, сказалъ проѣзжавшему мимо Наполеону: «ah, mon empereur,

que vous n'étiez pas hier à notre tête—nous aurions écrasé les Russes!» («Ахъ, государь, зачѣмъ вы не предводительствовали нами вчера—мы разгромили бы русскихъ!») Зрѣлище поля сраженія было ужасно.... Число убитыхъ и изувѣченныхъ, русскихъ и французовъ вмѣстѣ, было такъ велико, что нѣкоторыя мѣста, заваленныя ими, надлежало объѣзжать, и нигдѣ ни одного трофея — ни одной пушки, ни одного заряднаго ящика!... Мы владѣли только полемъ, въ одинаковомъ количествѣ покрытымъ и нашими трупами. Великолѣпное солнце освѣщало напоенную кровью землю....

Наполеонъ осмотрѣлъ войска на самомъ полѣ сраженія. 127-й полкъ, впервые бывший здѣсь въ дѣлѣ, получилъ орла. Полкъ стоялъ въ каре; люди были еще черны отъ пороховаго дыма и откусыванія патроновъ; у многихъ ременный приборъ былъ обрызганъ кровью. Полковой командиръ и офицеры помѣстились около императора полукругомъ. Гвардейскій егеръ передалъ орла маршалу Бертье, который, стоя по лѣвую сторону Наполеона, держалъ этотъ символъ побѣды въ правой рукѣ. «Солдаты!»—обратился императоръ къ полку—«вотъ вашъ орелъ! Онъ будетъ служить вамъ точкою соединенія (point de ralliement) въ минуту опасности. Поклянитесь мнѣ никогда не оставлять ни его, ни пути чести; поклонитесь защищать отечество и никогда не доводить Францію до позора. Громкое «nous jurons» («клянемся») было отвѣтомъ. Затѣмъ Наполеонъ взялъ орла изъ рукъ Бертье и передалъ его полковому командиру. Тотчасъ же каре развернулось, фронтъ былъ восстановленъ, и знаменосецъ, украшенный орденомъ офицеръ, понесъ орла, при барабанномъ боѣ и музыкѣ, къ знаменному взводу. Тогда императоръ началъ смотрѣть полка. Ордена, производства, аренды, подарки раздавались щедро. Одинъ сержантъ-гренадеръ былъ произведенъ въ офицеры. «Faites-moi de suite reconnaître ce brave homme-là» («объявите тотчасъ же о производствѣ этого молодца»), сказалъ императоръ. Полковой командиръ исполнилъ это по уставу, провозгласивъ: «по волѣ его величества, императора и короля, г. N N. производится въ подпоручики и вы должны повиноваться ему во всемъ, что онъ будетъ приказывать вамъ во имя закона». Однако полковникъ не обнялъ произведеннаго сержанта, какъ то предписывалъ законъ. «Eh bien, colonel, l'accolade, l'accolade!» («Что же, полковникъ, обнимите, обнимите!»), воскликнулъ Наполеонъ нѣсколько всплывчиво. Полковой командиръ повиновался. Такъ переходилъ императоръ отъ роты къ ротѣ, отъ баталіона къ баталіону, отъ полка къ полку. Онъ чувствовалъ потребность награждать. Одинъ

молодой офицеръ, 72-го полка, если не ошибаюсь, заявилъ притязаніе на крестъ. Наполеонъ посмотрѣлъ на полковаго командира. «Государь», отвѣчалъ тотъ, «это его первая кампанія; онъ храбръ, усерденъ къ службѣ, но есть офицеры кампаній айлауской и ваграмской, еще не получившіе ордена; онъ долженъ подождать». Императоръ, не сказавъ ни слова, пошелъ дальше; Бертье же приостановился и, кажется, далъ порядочный нагоняй полковому командиру. Приблизившись къ 95-полку, Наполеонъ потребовалъ видѣть отличившихся. Полковникъ, вѣроятно уже приготовившійся къ тому, назвалъ много именъ и, конечно, началъ съ офицеровъ. Едва выступили изъ нихъ шесть-восемь человекъ, какъ императоръ вскричалъ нетерпѣливо: «Comment, colonel, vos soldats sont donc des carons!» («Какъ, полковникъ, развѣ ваши солдаты—молокососы!»), быстро подошелъ къ баталіонамъ, вывелъ изъ рядовъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ и произвелъ ихъ въ слѣдующіе чины.

Солнце, между тѣмъ, поднялось высоко, и какъ продолженія военныхъ дѣйствій не предвидѣлось, то я повернулъ назадъ и отправился въ лагерь, еще разъ взглянувъ на поле сраженія. Дорога къ нему лежала, на протяженія одной мили (семи верстъ), по Днѣпру, черезъ три небольшіе притока, и вела, при Соловьевѣ, черезъ самый Днѣпръ. У третьяго притока разстилагось поле—свидѣтель кровавой борьбы. Валутина Гора, по которой названо сраженіе, удалена отъ поля слишкомъ на полтора часа; но и на обоихъ первыхъ притокахъ уже происходили жаркія дѣла. Главный же бой горѣлъ у развѣтвленія дорогъ изъ Крахотина и Горбуновой. На покатоги плато къ Смоленску были окопы, построенные, вѣроятно, еще во время прежнихъ русско-польскихъ войнъ.

Все, что я видѣлъ, пробудило во мнѣ необыкновенныя мысли. Въ благоговѣніи война къ своему великому вождю высказывается что-то похожее на религію, и тѣ, которые приходятъ съ таимъ вождемъ въ близкое соприкосновеніе, кажутся счастливыми избранниками. Офицеры и солдаты, съ которыми говорилъ Наполеонъ, были именно избранниками; награды, полученныя изъ его рукъ, передъ фронтомъ, имѣли особенное, завидное значеніе, и никто не забывалъ припомнить это при удобномъ случаѣ. Я уже говорилъ, какъ изувѣченные, обреченные на смерть, солдаты собирались съ послѣдними силами, чтобы, въ послѣдній разъ, привѣтствовать замирающимъ голосомъ императора. Преимущество великихъ умовъ—дѣлать зависимыми отъ себя натуры слабыя, подчинять ихъ себѣ; но нигдѣ

это преимущество не проявляется сильнѣе, блистательнѣе, какъ въ связи солдатъ со своимъ предводителемъ.

Въ лагерь меня выслушали съ большимъ вниманіемъ, особенно младшіе офицеры; только полковой командиръ назвалъ рассказанное мною повтореніемъ того, что бывало часто, и спросилъ, почти торопливо, не слыжалъ-ли я чего о корпусѣ Жюно, или не видалъ-ли его? — «Я видѣлъ вдали лишь бивуаки этого корпуса», отвѣчалъ я. Въ эту минуту вошелъ въ палатку подполковникъ Регульскій.

— Слышали-ли вы, господинъ полковникъ, какую штуку выигнужу Жюно? спросилъ онъ полковаго командира. — Онъ пропустилъ русскихъ: иначе 30,000 человекъ положили бы оружіе. Вся армія въ негодованіи. Я только что говорилъ съ нѣсколькими офицерами гвардіи: они убѣждены, что Жюно сдѣлалъ себя недостойнымъ имени французскаго генерала.

Полковой командиръ, не особенно любившій своего помощника, выслушалъ его спокойно и отвѣчалъ:

— Слышалъ что-то подобное. Во всякомъ случаѣ, плоды очищенія Смоленска, которые я предсказывалъ вамъ при самомъ началѣ боя, весьма невелики: я не видалъ ни одного годнаго орудія между взятыми — однѣ старыя желѣзныя пушки; у насъ почти нѣтъ пѣхотныхъ; повсюду только развалины, пожарища и трупы... Если бы русскіе хотѣли отстаивать Смоленскъ, они навѣрное начали бы иначе. Вы знаете исторію Польши; вамъ извѣстно, какую цѣну всегда придавали русскіе и поляки обладанію этимъ городомъ, сколько крови пролито здѣсь, какъ большая часть жителей и гарнизона предпочли, въ 1611 году, взорваться на воздухъ, чѣмъ сдаться. А сегодня бой за это старинное яблоко раздора между обоими государствами продолжался почти столько же, сколько охота Карла на калмыковъ, когда онъ, послѣ сраженія при Столочинѣ, обратился къ Смоленску... Желаю одного: чтобы безразсудство Жюно не было началомъ глупостей другихъ.

Въ теченіе дня распространилось извѣстіе о сраженіи, 19-го (7-го) августа, при Валутиной Горѣ. Это извѣстіе произвело чрезвычайно дурное впечатлѣніе. Никто не думалъ, чтобы русскіе, тотчасъ послѣ потери Смоленска, рѣшились сопротивляться; говорили, будто Даву не поддержалъ Ней, будто Жюно получалъ приказаніе переправиться чрезъ Днѣпръ у Прудичева и атаковать русскихъ въ тылъ, между тѣмъ какъ Ней долженъ былъ удерживать ихъ съ фронта, и будто онъ не исполнялъ приказанія... Во всемъ этомъ видѣли недостатокъ связи, единства, и выводили отсюда всякаго рода послѣд-

ствія. Рассказывали, по этому случаю, множество исторій, напримеръ, будто Жюно пытался оправдать себя *преждевременною атакою Ней*, а Наполеонъ отвѣчалъ: «Ней дрался какъ французъ; вы же невозвратно потеряли лучший день вашей жизни». Иные обвиняли даже Жюно въ трусости, а многочисленные приверженцы маршала оправдывали его припадкомъ умопомѣшательства. Подполковникъ Регульскій замѣтилъ по этому послѣднему новоду, что уже подъ Сарагосою Жюно обнаруживалъ признаки помраченія ума. Это было справедливо. Приказаніе императора, чтобы корпусъ Жюно бивуакировалъ все время, до выстушенія, по близости поля битвы, считали немилостію.

Московское предмѣстье, оставленное жителями, было, между тѣмъ, разграблено до-чиста (*). Заботливая администрація могла бы извлечь пользу изъ оставшихся здѣсь занасовъ: повсюду лежали превосходно выдѣланныя кожи, много желѣзной и мѣдной посуды, которая пригодилась бы для лазаретовъ. Всѣ лагеря, по близости города, были переполнены ею; попало сюда немалое количество и русскихъ асигнацій. «Это русскія бумажныя деньги!» говорили солдаты: «онѣ ничего не стоятъ», и бросали ихъ въ огонь. Я очень хорошо помню, какъ цѣлый сундукъ съ разноцвѣтными бумажками сгорѣлъ на кострѣ. Вѣроятно асигнаціи были уложены русскими, но забыты второпяхъ. Въ то время, бумажныя деньги казались нашимъ солдатамъ чѣмъ-то непонятнымъ. Нѣкоторые офицеры изъ русско-польскихъ губерній взяли себѣ на память нѣсколько новыхъ асигнацій, тогда какъ многотысячныя цѣнности пропали напрасну.

21-го (9-го) Наполеонъ смотрѣлъ корпусъ князя Понятовскаго и осыпалъ его наградами: пожаловано было восемьдесятъ шесть крестовъ Почетнаго Легіона, кромѣ многихъ офицерскихъ крестовъ, объявлено большое производство, розданы подарки. Остряки назвали этотъ день «днемъ оправданія» Наполеона. Чтобы понять это выраженіе, долженъ я пояснить слѣдующее. Князь Понятовскій, какъ рассказывали, наканунѣ атаки Смоленска отправился со своимъ штабомъ въ императорскую главную квартиру, въ Ивановское, для того-яи, чтобы представиться императору, получить ближайшія приказанія на слѣдующій день, или для того, чтобы загладить дурное впечатлѣніе, вызванное прежними жалобами князя на недостатокъ денегъ, продовольствія и проч., и его участіемъ въ ошибкахъ Же-

(*) Грабешемъ, разбоемъ и великаго рода насиліями надъ жителями Смоленска отличился въ особенности поляки Понятовскаго. Отчего же авторъ, указывая на грабежи французовъ во время кампаніи 1812 года, не упоминаетъ о жестокостяхъ поляковъ въ Смоленскѣ?..

рома (короля Вестфальскаго). Обо всемъ этомъ Наполеонъ отовзвася тогда очень рѣзко, и письмо изъ Вильны, отъ 9-го іюля, попавъ въ нескромныя руки, сдѣлалось общезвѣстнымъ. Оно было слѣдующаго содержанія: «*Mon cousin! Répondez au prince Poniatowski que vous avez mis sa lettre sous les yeux de l'empereur, que S. M. a été très mécontenté de savoir qu'il parle de soldes, de pain, lorsqu'il s'agit de poursuivre l'ennemi; que S. M. a été d'autant plus surpris, qu'il est seul de son côté avec peu de monde, et que lorsque les gardes de l'empereur, qui sont venus à Wilna à marches forcées de Paris, au lieu d'avoir demi-ration, manquent de pain, n'ont que de la viande et ne murmurent point. L'empereur n'a pu voir qu'avec peine que les Polonais soient assez mauvais soldats, étaient assez mauvais esprits pour relever de pareilles privations, et que S. M. espère, qu'elle n'entendra plus parler de cela.*» («*Любезный кузенъ! Отвѣчайте князю Понятовскому, что вы докладывали его письмо императору, и что Е. В. былъ очень недоволенъ толками его о жалованьи, о хлѣбѣ, когда дѣло идетъ о преслѣдованіи непріятели; Е. В. былъ удивленъ тѣмъ болѣе, что только онъ одинъ и жалуется, и что императорская гвардія, прибывшая форсированными маршами въ Вильну изъ Парижа, не только не получала полу-раціоновъ, но не имѣла хлѣба, питалась однимъ мясомъ и не роптала. Императору очень непріятно было видѣть, что поляки на столько плохіе солдаты и на столько слабудушны, что находятся въ зависимости отъ подобныхъ обстоятельствъ. Е. В. надѣется не слышать болѣе разговоръ объ этомъ»).*

Князь Понятовскій, сопровождаемый генераломъ Фишеромъ, начальникомъ своего штаба, многими генералами и своими адъютантами, нашелъ императора у бивуачнаго огня. Послѣ довольно ласковаго приѣма, Наполеонъ спросилъ о списочномъ и наличномъ составѣ корпуса (*effective et présent sous les armes*), и когда, по причинѣ лишеній, маршей и тягостей войны, оказалась значительная разница, Наполеонъ, обратясь къ генералу Фишеру, спросилъ заглавно:

— *Mais f... où avez-vous laissé votre monde?* («*Но куда же вы дѣвали вашихъ людей?»*).

— *Sire, le manque de vivres, les fatigues, les...* («*Государь, недостатокъ въ продовольствіи, труды....*»), отвѣчалъ начальникъ штаба.

— *Bah!....* остановилъ его Наполеонъ: *vous me chantez tou-*

jours la même antienne! Pourquoi les autres corps n'ont-ils pas laissé la moitié de leur monde en route? Mais je sais bien, d'où cela vient: vous tous n'êtes bons qu'avec vos p... à Varsovie». («Вотъ еще! вы все поете мнѣ старую пѣсню! Отчего же другіе корпуса не оставили на дорогѣ половины своихъ людей? Но я знаю причину: всѣ вы хороши только съ вашими б... въ Варшавѣ...»).

Другіе утверждали, что императоръ сказалъ: «qu'avec vos danseuses» («съ вашими танцовщицами»).

Вслѣдъ затѣмъ собраніе было распущено.

Сцена эта не могла не произвести тяжелаго впечатлѣнія на князя Понятовскаго, какъ на человѣка, искренно преданнаго Наполеону и утонченно-образованнаго; говорить, будто онъ вышелъ изъ себя, едва овладѣлъ собою и уже намѣревался оставить армию.

Послѣ того какъ, вслѣдствіе упомянутого смотра, состоялось какъ бы примиреніе, Понятовскій, вмѣстѣ съ Даву, опять отправился къ Наполеону. Онъ объяснилъ, что корпусъ, имъ предводимый, теряется въ большой арміи, играетъ ничтожную роль, но что онъ могъ бы принести существенную пользу, если бы получалъ разрѣшеніе двинуться на Кіевъ. Тамъ — говорилъ Понятовскій — изобиліе въ продовольствіи, населеніе ждетъ его (?); тамъ можно сформировать новыя войска, особенно много легкой кавалеріи; тамъ слабая сторона Россіи, съ трудомъ подавляющей возстанія въ краѣ (?), съ которымъ онъ, Понятовскій, давно находится въ сношеніяхъ. Когда Наполеонъ отвергнулъ этотъ планъ, князь сталъ просить еще убѣдительнѣе, упомянулъ о своихъ связяхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ и, наконецъ, будто бы на коленяхъ умолялъ императора о дозволеніи идти туда. Это чрезвычайно раздражило Наполеона. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, императоръ гнѣвно отвернулся отъ князя и объявилъ, что прикажетъ его разстрѣлять, если онъ осмѣлится самовольно предпринять движеніе къ Кіеву.

22-го (10-го) августа о происшествіи говорили въ частныхъ кружкахъ. Впослѣдствіи и польскіе историки упоминали о немъ, и еще недавно оно подтверждено вновь. Обстоятельство это послужило поводомъ къ различнымъ разсужденіямъ на самоѣ мѣстѣ дѣйствія, въ виду еще дымившихся развалинъ Смоленска. Уже два раза русская армія ускользала отъ Наполеона, благодаря неумѣлости его главныхъ военачальниковъ, и кто поручится, что они въ третій разъ будутъ дальновиднѣе? Но что же будетъ, если русскіе станутъ продолжать отступленіе, дотянуть его до зимы, а мы, безъ магазиновъ,

на сотни миль удаленные отъ нашего базиса, среди населенія, ошесточеннаго неистовствами арміи, подвергнутся нападеніямъ противника?... Подобныя разсужденія повторялись во многихъ кружкахъ. Могу сказать утвердительно, что вѣра въ непогрѣшимость Наполеона была сильно потрясена подъ Смоленскомъ.

Того же числа императоръ дѣлалъ смотръ гвардіи и нашей дивизіи на прекрасной площади передъ архіерейскимъ домою. Насъ онъ осматривалъ подробнѣе, нежели старую гвардію, остался очень доволенъ и объявилъ многія производства на вакансіи, очистившіяся послѣ тѣхъ офицеровъ, которые были отправлены во вновь-формированныя полки. Полковой командиръ громко вызвалъ назначенныхъ къ производству. Я находился между ними. Проходя по нашему ряду (насъ было четырнадцать человекъ), императоръ приблизился ко мнѣ, остановился, посмотрѣлъ на меня, ухватился за пуговицу моего мундира, повернулъ меня и сказалъ: «Celui-ci devait être déjà nommé capitaine à Paris—faites le nommer capitaine adjutant-major». («Его слѣдовало произвести въ капитаны еще въ Парижѣ—назначьте его капитаномъ adjutant-major»). Съ этимъ назначеніемъ соединялось право на штабъ-офицерскій чинъ чрезъ полтора года; но черезъ полтора года я лежалъ тяжело раненымъ на полѣ сраженія и былъ взятъ въ плѣнъ.

— Объявите о производствѣ ихъ, продолжалъ императоръ, и, когда это было исполнено полковымъ командиромъ, пошелъ по фронту. Увидѣвъ сержанта съ орденомъ и тремя шевронами за двадцатилѣтнюю службу, онъ спросилъ: — «Почему этотъ сержантъ не офицеръ?» — «Государь, онъ не умѣетъ ни читать, ни писать». — «Все равно; безграмотные, которыми такъ пренебрегаютъ, бываютъ часто лучшими офицерами. Пусть онъ будетъ орлоносцемъ (porte-aigle) и подпоручикомъ въ гренадерахъ! Я увѣренъ, что онъ былъ не изъ послѣднихъ на приступахъ Сарагосы». — Поручивъ третьей роты, Новаковскій, принесть императору жалобу на непроизводство его въ капитаны, тогда какъ младшіе его офицеры были произведены. «По какой причинѣ?» спросилъ Наполеонъ. — «Ваше величество», отвѣчалъ полковой командиръ, «онъ сдѣлалъ только одну кампанію въ Испанію, а произведенные постоянно находились при полку». — Не сказавъ ни слова, императоръ пошелъ дальше; но Бертъ записалъ имя офицера. Вскорѣ потомъ Новаковскій былъ назначенъ капитаномъ (ротнымъ командиромъ) во вновь-формируемый полкъ.

Послѣ насъ императоръ смотрѣлъ старую гвардію. Тутъ я впервые имѣлъ случай разглядѣть ее на досугъ. Видалъ я болѣе кра-

свѣя войска, но невозможно было вообразить себѣ солдатъ болѣе внушительно-величавой наружности. Голландская гвардія, включенная въ составъ императорской, имѣла безусловно красивѣйшихъ людей: это были истинные молодые красавцы, великолѣпно костюмированные; но имъ не доставало воинственной осанки старыхъ французскихъ гвардейцевъ. Въ старую гвардію имѣли право поступать лишь тѣ, которые прослужили десять лѣтъ, сдѣлали четыре кампаніи или получили двѣ раны, и потому морщинистыя, суровыя, строгія фizioноміи солдатъ казались грозными. Могу сравнить старую наполеоновскую гвардію только съ русскою гвардіей, съ тою однако разницею, что и офицеры французской гвардіи были всѣ люди зрѣлыхъ лѣтъ, такъ какъ у нихъ офицерскія мѣста не принадлежали къ числу тѣхъ, которыя, по выраженію Салюстія, дворянство *inter se per manus tradebat*. (*)

Различныя оттънны въ самой гвардіи, вольтижеры, егеря и проч., были превосходнымъ средствомъ награждать и такихъ людей, которымъ природа отказала въ большомъ ростѣ.

День моего производства въ капитаны былъ, однако, и днемъ моего огорченія: я лишился въ этотъ день моего полкового командира Хлузовича, такого военнаго человѣка, какихъ мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать на моемъ долгомъ жизненномъ пути. Образованный, быть можетъ и ученый, многосторонне-опытный, кроткій въ обращеніи, но строгій по службѣ, онъ имѣлъ на меня вліяніе еще долго послѣ него сохранявшееся. Только однажды былъ я свидѣтелемъ его запальчивости, но и ту онъ загладилъ такъ, что выказалъ себя истинно-честнымъ человѣкомъ. Когда войска подходили къ Смоленску, мы расположились бывуакомъ у самой почтовой дороги. Мы уже устроились въ нашемъ лагерѣ; палатка полковника была поставлена и онъ усѣлся за походный столикъ бриться, что дѣлалъ непремѣнно каждый день. У входа въ палатку стоялъ умывальный приборъ съ водою. Вдругъ въ палатку вбѣжалъ бѣлый пудель и бросился на воду. Прежде чѣмъ полковникъ или я, сидѣвшій на чемоданѣ, успѣли выгнать собаку, вошелъ къ намъ, украшенный крестомъ, гренадеръ старой гвардіи, въ походной амуниціи, накинулъ веревку на шею своего пуделя и, сказавъ «*pardou, messieurs*», нечаянно опрокинулъ кувшинъ съ водою—статью здѣсь весьма рѣдкую—въ ту минуту, когда хотѣлъ увести собаку.—«*A-t-on jamais vu un insolent comme ça!*» (видана ли такая наглость) вскричалъ видъ себя полковникъ, кинулся, съ брит-

(*) Считало своею исключительною принадлежностію.

вою въ рукѣ, на гренадера и не особенно вѣжливо выпроводилъ его изъ палатки. Мы думали, что дѣло тѣмъ и кончится; но вечеромъ явился штабъ-офицеръ гвардіи съ гренадеромъ, и, притомъ, оба въ полной формѣ. «Господи! полковникъ», началъ французъ: «вы жестоко оскорбили сегодня честнаго человѣка, пользующагося уваженіемъ всего полка. Я пришелъ отъ имени маршала Бертье уладить такое неприятное дѣло, и твердо увѣренъ, что для этого достаточно самага легкаго намека...» Полковникъ, ни на одне мгновение не смутившись, отвѣчалъ: — «Не отрицаю, что сегодня утромъ я позволилъ себѣ выйти изъ себя, но тотчасъ же раскаялся, и тогда же поправилъ бы свою вину, если бы гренадеръ не ушелъ. Радуюсь сердечно, что избавленъ необходимости отыскивать его въ лагерь и сознаться ему въ моей вспыльчивости. Не правда-ли, гренадеръ, вѣдь вы на меня не сердитесь? (*vous ne me voulez pas mal pour cela*), и подалъ ему руку, которую тотъ пожалъ отъ души, прибавивъ, *qu'il avait reçu la plus belle réparation du monde*» («что онъ удовлетворенъ наилучшимъ образомъ»). Когда гренадеръ вышелъ, гвардейскій полковникъ остался въ палаткѣ и, какъ бы извиняясь, замѣтилъ, что вѣшался въ дѣло единственно для предотвращенія тѣхъ неприятныхъ послѣдствій, которыя слышимъ часто случаются отъ подобнаго рода столкновеній между полками, благодаря запыльчивости (*caractère bouillant*) французовъ. Мой полковой командиръ ни слова не сказалъ о случившемся: очевидно, происшествіе было для него неприятно.

Полковникъ Хлузовичъ былъ переведенъ во второй легко-конный гвардейскій полкъ, слѣдовательно перемѣщенъ изъ пѣхоты въ кавалерію; командиромъ же нашего полка назначили полковника Банопку, прославившагося кавалерійскою атакою при Альбуэрѣ. Оба они были латыши.

Въ этотъ же день нашъ бывшій полковой командиръ давалъ генералу Винкентію Красинскому, многимъ другимъ чинамъ легко-конной гвардіи и полякамъ штаба Бертье торжественный обѣдъ. Пили со всеусердіемъ: провозглашали тосты за польское королевство отъ Варты до Днѣпра, щедрою рукою распредѣляли мѣста губернаторскія, дивизіи, бригады и полки; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣльно рассуждали и о тогдашнемъ положеніи арміи. По общему мнѣнію, слѣдовало остановиться на Днѣпрѣ, усилить укрѣпленные пункты по этой рѣкѣ и на Двинѣ, организовать Литву, держать въ сборѣ дѣйствующую армію въ большихъ лагеряхъ и послать всё польскія войска на Вольту и въ Малороссію. Сами русскіе считали тогда, и впоследствии, эти губерніи ахиллесовой пятой своего исполднскаго царства,

«Пусть только позволяют князю двинуться туда»—говорили поляки— «и онъ найдетъ мечъ, которымъ нѣвегда польскій герой рубилъ ворота Кіева». Вообще, въ польскихъ кружкахъ лучше понимали положеніе дѣла, чѣмъ во французской главной квартирѣ. Если бы Наполеонъ созвалъ къ себѣ опытныхъ польскихъ военачальниковъ, основательно обсудилъ бы съ ними дѣло, то сталъ бы смотрѣть на него иначе, отрѣшился бы исключительно отъ французской или, точнѣе, наполеоновской точки зрѣнія. Въ кампанію 1812 года онъ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ Карла XII, потому что, подобно шведскому королю, гнался за тѣнью, за призракомъ, съ тою только равницею, что выбралъ другое направленіе, которое, однако, тоже было ложное. Начиная со Смоленска, стали вдыматься волны, долженствовавшія поглотить его....

Изъ нашего предмостнаго укрѣпленія я предпринималъ неоднократно поѣздки въ Смоленскъ. Въ то время, когда Наполеонъ имѣлъ здѣсь свою главную квартиру, случались частые пожары, и одинъ изъ нихъ, за день до нашего выступленія, уничтожилъ цѣлую массу домовъ. Огюстенъ Коленкуръ, бывшій губернаторомъ или комендантомъ города, получалъ, говорили, по этому случаю жестокой нагоняй. Впослѣдствіи, когда Коленкуръ палъ при Бородинѣ, иные увѣряли, будто онъ искалъ смерти именно отъ претерпѣннаго огорченія.

23-го (11-го) августа мы получили приказаніе готовиться къ дальнѣйшему походу. Въ этотъ день я имѣлъ случай видѣть у одного инженернаго офицера, занимавшагося съѣмкою Смоленска, планъ города или, точнѣе, часть его, по направленію къ вѣрности. Работа была распределена между четырьмя офицерами, изъ которыхъ одинъ, съ нѣсколькими помощниками, снималъ только укрѣпленія. Изъ выпавшей на его долю части съѣмки можно было усмотрѣть, что добрая половина квартала не существовала. Что первоначальные пожары были произведены нашими гранатами, это не подлежитъ сомнѣнію; я упоминалъ также, что русскіе, отступая, зажгли магазины, и что отсюда огонь распространился на другіе кварталы города; но пожары, повторявшіеся съ 18-го (6-го) по 23-е (11-е) число, происходили несомнѣнно отъ небрежности солдатъ большой арміи.

(Продолженіе будетъ.)